

ЗОВ.Три истории

Бушмин Виктор

Виктор Васильевич Бушмин

ЗОВ.Три истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69554155

SelfPub; 2023

Аннотация

Перед лицом смерти люди, словно дети. Их чувства обострены, искренни и честны, словно ИСПОВЕДЬ.. Три простые истории трех людей, оказавшихся в одном окопе перед лицом смерти. Неужели всё? Или..

Виктор Бушмин

ЗОВ. Три истории

Контратака, начавшаяся как-то сумбурно и не совсем организованно, захлебнулась, хотя и добилась многого.

Опорник был захвачен быстро, лихо, практически слету кавалерийским наскоком. Вот только лошадей-то и не было. А значит, не было и тяжелой техники толком в поддержку.

Три украинские БМП, врытые по самые башни, были уничтожены огнем артиллерии, а рванувшие, было, на выручку осажденным украинцам, танки, так толком и не успев выстрелить хотя бы по паре раз, спешно откатились назад за пригорок, потеряв два танка из четырех. Их ловко и быстро запурили донбассцы.

Один танк взорвался с чудовищным грохотом, его башня взвилась вверх и, вращаясь вокруг своей оси, упала метрах в пяти от горящего корпуса, воткнувшись стволом в землю.

Но радости было мало. Взвод БМП, направленный, было, на подмогу атакующим, немного опоздал с выдвигением и был накрыт артиллерией противника.

У одной из машин сорвало гусеницу и она, чуть крутанувшись, замерла.

В этот самый момент в нее попал снаряд, разворотивший машину и разорвавший ее практически пополам.

Три оставшиеся машины стали пятиться назад, хаотично на первый взгляд, но лишь на первый взгляд, или взгляд дилетанта, отстреливаясь.

На самом же деле три машины пытались грамотно отступать, прикрывая огнем одна другую поочередно и перенося огонь по секторам.

Но вот и вторая машина замерла, схлопотав повреждения от взрыва. Недолет, но осколки разворотили переднюю часть, где расположен двигатель..

Экипаж и десант быстро разбежался в стороны, ведь медлить просто нельзя. Второй снаряд попал точно по машине..

Занявшие опорник противника ополченцы Донбасса вместе с российскими военными стали закрепляться.. пытались закрепиться..

Все прекрасно понимали, что все позиции давно уже пристреляны врагом, есть координаты наводок..

В азарте атаки никто наверное и не обратил внимание на трех военных, которые быстрыми перебежками следовали за наступающими ополченцами . Двое из них тащили какой-то большой контейнер-футляр с собой, а третий, казавшийся просто тенью первых двух, бережно нес нечто, похожее на пульт с джойстиком управления, словно от какой-то компьютерной игрушки..

Они незаметно заняли небольшой блиндаж и стали что-то разворачивать.

В их движениях не было никакой суеты, хотя со стороны

это так и могло показаться стороннему наблюдателю, просто они отработанными долгими тренировками движениями собирали большой дрон и настраивая его работоспособность.

Через несколько минут дрон взлетел и, замерев на несколько секунд над местом запуска, полетел в сторону украинских позиций на предельно малой высоте, стараясь огибать все неровности местности, так порой низко, что практически цепляя высокие кусты, росшие неподалеку.

Дрон улетел на удивление тихо, хотя были четко видные его бешено крутящиеся лопасти винтов..

Несколько мощных залпов, слившихся в одну единственную дикую канонаду и какофонию, стали перемешивать с землей бетонные укрепления, так долго и заботливо создаваемые украинцами за восемь лет окопной войны в ожидании Минска -2.

Ротные и взводные командиры стали вызывать медиков, нужна срочная эвакуация раненых.

БТР и МТЛБ, называемую в армии ласково «Мотолыжкой», с нарисованными на бортах красными крестами внутри белых кругов и обозначающие медицинскую эвакуационную машину, вместе с двумя УАЗами Буханками рванулись к ним на выручку, зигзагами пытаясь преодолеть простреливаемый участок..

Медикам удалось забрать несколько тяжелораненых солдат, но, когда они стали разворачиваться, в борт БТР влетела ракета от ПТУР..

Два УАЗА все же умудрились выскочить из полосы обстрела и скрылись за деревьями, росшими на стороне наших позиций.

МТЛБ, быстро развернувшись, подъехала к подбитому БТР с тыльной и не простреливаемой стороны. Из нее выскочили маленькие фигурки полевых медиков, которые постарались забрать как можно больше раненых из подбитой машины, некоторых затаскивали даже наверх брони, лишь бы вывезти как можно скорее с поля боя.

МТЛБ, практически скрывшись уже за пригорком и двигаясь зигзагами в сторону тыла, все-таки попал под обстрел украинских артиллеристов и, потеряв гусеницу, остановился. Медики вытаскивали раненых и на носилках стали быстро выносить их из простреливаемой насквозь ничейной полосы.

Оборона захваченного опорника рассыпалась, разбившись на небольшие участки..

Несколько контратак украинцев, пытавшихся выбить наших ребят, захлебнулись, хотя две из них прошли практически в рукопашном бою.

Выскочившие из-за пригорка два ударных вертолёта союзных сил попытались поддержать контратаку, но, как только эти две огромные и жуткого вида винтокрылые чудовища стали приближаться к опорнику, из рожицы, куда откатились украинские подразделения, вылетели несколько ракет, выпущенных, по всей видимости из ПЗРК.

Головной вертолет резко отстрелил тепловые ловушки, создав красивые фейерверк в надежде увильнуть от летящих на них ракет, и это ему, правда, частично, но все-таки удалось. Первая ракета ушла на ложные цели тепловых ловушек и взорвалась на удалении от хвоста машины, успевшей развернуться и теперь зигзагами уходившей обратно назад.

Второй вертолет, летевший чуть сбоку и позади от ведущего, успел огрызнуться НУРСами в направлении рощицы, при этом, одна из ракет, выпущенных из ПЗРК, оказалась невольно сбитой одним из пакетов НУРС, но третья, выпущенная с небольшой паузой по времени, четко нацелилась на МИ-35.

Пилот вертолета резко развернул машину и, сначала немного набрав высоты, стал резко вдруг пикировать вниз, прямо к поверхности земли, туда, где располагался захваченный опорник противника и где, как назло, оказались эти трое военных с большим контейнером.

Вертолет снова резко рванул вверх и огромным павлиньим хвостом за собой расстрелял, по всей видимости, практически весь запас тепловых ловушек.

Ракета также попыталась вильнуть за ним, но, нарвавшись на полосу ловушек, взорвалась под днищем вертолета, подбросив тяжелую винтокрылую машину смерти вверх.

Вертолет, словно боксер, пропустивший мощный апперкот, дернулся из стороны в сторону, потом, стал резко падать вниз, но, этот бронированный монстр не так-то легко было

убить.

Машина, как-то бочком и рывками, стала опять набирать высоту и, не разворачиваясь, задним ходом улетала обратно на базу.

Первый же вертолет, словно со злости и в отместку за эту наглую самоуверенность зенитчиков противника, резко рванул вперед и разрядил оба пакета НУРСов по рошице..

А, через некоторое мгновение, с громким рыком двигателей откуда-то слева выскочили два российских штурмовика СУ-25, которые, буквально цепляя днищами кроны деревьев, отбомбились на этой злополучной роше, превратившейся из места сосредоточения противника в место его гибели..

И вот, в момент небольшой тактической паузы, когда, казалось, что обе стороны уже устали от бессмысленной артиллерийской дуэли, в одном из секторов опорника судьба свела трех разных людей.

Мужчина был доброволец, из ополченцев, звали его Виталий, было ему лет под шестьдесят, наверное, ну или может чуть меньше. Там, на фронте, все как-то сразу стареют. Никто и никогда не скажет вам, что люди там молодеют. Лица их сразу грубеют, становятся как-то резче, жестче взглядом, так что через несколько дней боев мало кто уже походит на себя.. довоенного.

Виталий был голубоглаз, волосы его, коротко, практиче-

ски под ноль подстриженные, были просто «соль и перец». Небольшая контузия и легкое ранение в голову не испугали его, и, казалось бы, ничем не удивили. Он самостоятельно перебинтовал себе голову, подтянул из соседнего окопа ПК, притащил несколько полных коробок с лентами патронов для него, после чего, услышав голос девушки-медика, кинулся ей на помощь.

Девушка-медик, звали ее Злата, была маленькой и хрупкой блондинкой с огромными серо-зелеными глазами и тонко очерченными немного пухлыми, словно у недовольного ребенка, губами.

– Почему блондинка, – поймал себя машинально на этой мысли Виталий. – Ах, да, вот и прядь светлая вылезает из-под шлема..

Девушка, пыхтя, из последних сил волокла по дну окопа тяжелораненого солдата.

Олег, так звали этого мальчишку.

День перепрыгнул вершину и начинал неуклонно скользить к закатному вечеру. Противник, видимо, или перегруппировывался для новой контратаки, или просто выжидал чего-то, скорее всего темноты..

Девушка занималась раненым Олегом.

Тишина летнего прекрасного дня иногда все-таки умудрялась врываться в чудовищную симфонию грохота боя, удаляя на эти мгновения зловещую музыку смерти и заполняя все... стрекотанием кузнечиков, жужжанием мух или пчел,

сейчас уж и не разберешь, да и не особо это важно. Важно лишь одно – жизнь всегда будет забирать свое у смерти, как бы та ни старалась.

Они сидели на дне окопа, уставшие, измотанные, но живые.

– Почему вы здесь? – внезапно и неожиданно, даже как-то неуместно, спросила Виталия девушка.

Тот как-то, то ли, виновато, то ли, неуклюже, то ли с грустью и тоской, улыбнулся, после чего произнес:

– Я расскажу вам свою историю. Расскажу все честно, без вранья. Нет смысла врать или приукрашивать, ведь никто не знает своего следующего утра. А врать на ночь глядя, – он попытался пошутить, – как-то не совсем, мягко говоря, прилично. Тем более при такой вот красивой девушке..

– Хорошо, – кивнула ему в ответ она, – меня, кстати, Злата зовут.

– Олег.. – хрипло произнес раненый.

– Дядя Виталий, – представился он им.

Виталий.

– История моя и проста, и сложна, и для многих может показаться глупой, наверное. – Виталий закурил, прищурился, выдержал небольшую паузу, но вовсе не для придания значимости следующим словам, а скорее, немного выиграть время, подбирая нужное.

– Как я оказался здесь? Да очень просто, плюс каждый, кто служил в армии, наверняка меня поймет. Одной фразой это называется «отвечать за слова».

Итак, я, как и многие ребята моей юности, выросшие при Союзе, у вас это сейчас как-то по-идиотски называется «совок». А тогда это было поистине золотое время, время, когда каждый мог стать кем угодно, когда можно было реально распланировать свою жизнь, не задумываясь о деньгах на образование или платную медицину.

Злата посмотрела на Виталия, но ничего не сказала в ответ и не возразила. Она и сама это частенько слышала от мамы и бабушки, но как-то не задумывалась, пропуская все мимо ушей.

Виталий сделал длинную затяжку, выкурив практически половину сигареты, потом медленно прикрыл глаза, выпуская дым.

– Ну, в общем, все просто, как чайник. Я хотел стать военным и я стал им. После школы, вернее во время учебы в 10 классе, я подошел к нашему учителю военной подготовки, – в этот момент Злата уже с нескрываемым удивлением посмотрела на него, – Да, именно так. У нас тогда был такой предмет НВП – начальная военная подготовка. Короче, как только учитель услышал это, он пошел со мной к завучу и директору, которые что-то записали в свои большие школьные журналы, похвалили меня, выдали дежурное «молодец»...

В это время раздался пронзительный нарастающий свист,

все трое пригнулись, словно стараясь вжаться в стенку окопа. Перелет.

Виталий еще раз затянулся, докурив сигарету практически до фильтра, придавил окурочек берцем.

– Ой, а дальше... – он усмехнулся, – дальше я познакомился с товарищем военкомом и военной врачебной комиссией, осмотревшей и ощупавшей меня везде и всюду, при этом каждый из врачей по завершению моего осмотра, кивал головой и радостно констатировал факт полнейшей готовности меня к будущей защите Родины.

Так я и оказался в одном из военных училищ. Рассказывать про экзамены не стану – сами понимаете, какой был мандраж и нервы как струны у гитары Пако де Люсия... – Виталий снова улыбнулся, видимо, воспоминания о юности были о счастливых временах. – Самым страшным для меня была алгебра. Ну не влезали в мою голову все эти логарифмы и интегралы! Хоть тресни! Смотрел на учебник как баран на новые ворота...

Беру билет, значит, переворачиваю его и вслух называю его номер, как сейчас помню 22! А там! Там одни эти самые сволочи, сидят друг на друге и друг дружкой погоняют!! Одни интегралы и логарифмы значит. Ну и так. Для проформы один вопросик из геометрии.

Развернулся я от столика с этими проклятущими билетами и побрел к свободной парте возле окна. Забыл сказать, что все это безобразие проходило в полевом учебном центре.

Он поймал удивленные взгляды Олега и Златы.

– Да, полевой учебный центр – это такая, даже сложно подобрать слова, ну в общем такая кошмарная штука, похожая на всеми богами забытый длинный деревянный барак, в котором в больших кабинетах сотни ребят со всей страны сдавали экзамены, хотя жили в паре километров, на опушке леса, в палатках на 7 человек. – Виталий с какой-то гордостью посмотрел на Олега и Злату, для которых весь его рассказ был из разряда фантастических небывлиц, выдержал небольшую паузу, и продолжил:

– Выдали, значит, нам палатки, колья, веревки, какие-то деревянные настилы, ну и наши старые добрые ватные тяжеленные матрасы полосатенькие. Вертитесь, как хотите и ни в чем себе не отказывайте. Умывальник на улице: такие длинные ряды с краниками и желобом-раковиной для стока. А водичка-то...холодненькая. Туалет метрах в ста, наверное, был на окраине нашего этого самого лесного кошмара.

– А спали как? – Олег застонал, приоткрыл глаза. Было видно, как ему тяжело произносить даже это – ранение было тяжелое, и огромная кровопотеря давали знать. Слава Богу, что Златка, как умелая и грамотная медичка, успела вовремя заложить жгуты, остановить кровотечение, обколоть его и перебинтовать.

– Да вот так и спали. Ставили палатки, естественно, с первого раза толком ни у кого на сборах это не получалось, палатки заваливались, чаще всего по ночам или, что самое

обидное, во время дождей. А дождей тогда, как словно в издевку, было много. Словно природа была тогда в каком-то своем игривом настроении и решила перепутать Англию со Средней полосой России в июне-июле и вместо жары и солнышка, устроила нам лужи, грязь, тучи комариков и прочей кровососущей и разной там членистоногой мерзости.

В этот момент снова начался обстрел. Раздались несколько взрывов, один из снарядов попал в полуразвалившийся дот метрах в тридцати от них. Окоп забросало комьями земли и заволокло дымом.

– Не дают нашим подтянуть к нам поддержку, ну и отвезти вас в больничку.

Виталий приподнялся и осторожно выглянул из окопа, рассматривая пространство перед собой сквозь небольшую щель в мешках с песком и щебнем и стараясь особо не светить голову, после чего снова сел рядом с ребятами и продолжил свой рассказ:

– Мне в итоге дико повезло. Только один раз непонятно с чего и почему, но решили оценивать знания этих треклятых интегралов и логарифмов весьма неожиданно. – Он сделал загадочное лицо и поднял палец левой руки вверх. – На сколько процентов решена задача, столько и ставят.

Типа значит если ты решил на 35-40 процентов, то трочка по итогу у тебя, тьфу ты, у меня в кармане!! Я как услышал об этом несказанном счастье, так чуть в голос Бога не поблагодарил. Честно. Я ведь крещеным был. Бабушка,

царство ей Небесное, – Виталий перекрестился и с нежной грустной улыбкой посмотрел на небо. – Она меня тайно от всех окрестила в церкви, мама, естественно, знала об этом, а вот от отца все скрывали. Он был коммунист, причем такой, из идейных.

Жили мы в кирпичной пятиэтажке, в небольшой двушке. Деньгами богаты никогда не были, но не жлобились и не голодали. Особой любовью у нас были книги. Собирали библиотеку. Это тогда было круто. Как сейчас говорят – в тренде и хайпово.

– Я правильно юзнул вашим сленгом, шпанятки? – Виталий подмигнул Злате и Олегу, которые немного повеселели, у Олега даже щеки чуть подернулись розовым цветом, оживляя серость и бледность после обильной кровопотери. – Мама у меня работала санитарным врачом, так получилось, что напрямую с медикаментами ей больше нельзя было сталкиваться. Она перенесла жуткий приступ лекарственной аллергии, я тогда маленький был, помню смутно. В общем, побывала она в реанимации и, можно сказать, лишь чудом выкарабкалась. Ну а чудом был Бог и наша советская медицина.

– Папа был.. – тут Виталий запнулся, подбирая нужные слова, – а папа был.. – он сделал снова паузу, посмотрел на слушателей своих: Злата с интересом слушала его, жадно впитывая каждое его слово, словно пытаясь воочию представить его историю жизни. Олег полулежал, прислонившись к ней, и пытался, как мог, сохранять сознание. Видимо тро-

фейные капельницы пошли ему на пользу и чуть прибавили жизненных сил.

– Так вот. Папа у меня служил в КГБ. Это я уже потом узнал, когда пришлось мне анкету и автобиографию переписывать во время сбора комплекта документов в училище военное. Так бы и думал что он простой и обычный инженер в каком-то НИИ «Луч».

Рассказчик взял паузу. Снова приподнялся и осторожно осмотрел местность в сторону позиций противника. В это самое время артиллерия союзных сил начала как следует обрабатывать вторую линию укреплений украинских националистов.

– Папа был у меня как сейчас бы выразились наши толерасты и «всепропальщики» представителем кровавой гэбни. А он лишь Родину защищал. И, что самое удивительное, ведь никому из работяг там, или других наших соотечественников в общем-то плохого они и не сделали. Опустим перекосы и те времена.

Берем того же Солженицына – он сидел в ГУЛАГЕ, и поделом, он ведь даже там умудрялся вредительствовать. И ведь сволочь так красочно и с причмокиванием описал в своих «шедеврах» в кавычках. Когда стране нужна была защищенная связь – она комиссии дурачили, лишь бы не умотать в солнечный Магадан. – В это время рация затрещала.

– Голый, Голый, я Ёж, как слышите меня, прием!!

Виталий нажал тангенту на рации и ответил:

– Ёж, я Голый. Слышим вас нормально. Нормально. Прием.

Рация снова зашипела и выдала:

– Держитесь там? Коробки скоро придут. Ждите. Прием...

– Понял вас. У нас трехсотый тяж и я так по мелочи. Прием.

– Принято. Кроем пока артой заборчик, чтоб чубы не полезли. Прием..

– Принято. Держимся. Ждем. Прием.

– До связи.

– Так что прошу не путать с современными представителями этой партии, хотя, тут и говорить нечего, и тогда было много проходимцев, бездарей и прилипал разных мастей во власти. Хотя, я все-таки думаю, что отец знал, ну или догадывался, ведь мама его, моя бабушка, была православная, кстати, толком и неграмотная была, знала лишь, где за свою мизерную пенсию расписываться и денежки считать, когда сдачу в кассе магазина забирала.

В общем и целом, Бог меня видимо любил. Он всех любит. Так, по крайней мере, утверждают. У меня порой в голове не укладывается лишь одно: как может Бог всех любить... – Олег грустно покачал головой. – Хотя, на тот Он и Бог. Это мы в серости погрязли и заигрались в любовь и ненависть.

Снова взрывы раздались неподалеку от места, где они лежали.

– Вот хохлы неугомонные, блин.. – тихо произнес Олег. – Не дают насладиться рассказом о социалистической идиллии.

– Их сейчас колбасит от мысли одной, что они так глупо прощелкали этот опорник, который бетонили и крепили лет восемь, так что все сейчас по плану их жизни: так не доставайся ты никому. – Произнесла Злата. – Это видимо у них в крови...

– Однако, молодежь, вы циничные товарищи. – Усмехнулся Виталий. – Это война. Всегда и везде, те, кого вышибли откуда-то, пытаются или отбить потерянное, или сровнять с землей утрату, да и желательно вместе с теми, кто их так бодренько опрокинул через плечо.

Олег застонал, видимо действие обезболивающих начало слабеть.

– Златуся, зайчик, – Виталий попытался как-то нежнее и более мягко попросить ее, – не могла бы ты, – он немного поморщился, – порыться в аптечках вон тех 200х.. Хохлам лекарства уже ни к чему, а вот нам бы не помешали.

– Пошарь по окопу, а я вот этого голубчика расписного раздербаню. – Виталий кивнул на труп националиста, свисавшего вниз головой сбоку окопа практически над местом, где они сидели. Была видна его рука, вся в крестах, рунах. Рука молодого и крепкого парня, рука, которая уже никогда не обнимет свою мать и не сделает ничего уже в этой жизни.

Злата осторожно отодвинулась от раненого Олега, кото-

рый полулежал, прислонившись к ней и стенке окопа, справа от нее, и, постоянно пригибаясь от слышавшихся взрывов и свиста пролетающих пуль, направилась «шерстить» аптеку лежащих неподалеку трех убитых украинских военнослужащих.

Улов был по лекарствам достойный. Злата умудрилась найти в полуразрушенном железобетонном доте большую медицинскую сумку полевого санитаря, где, к общей радости, были даже несколько капельниц с физраствором и общестимулирующими лекарствами, которые были как нельзя, кстати, раненому Олегу.

Злата вернулась, таща со счастливым видом на лице, эту огромную сумку, ловко приладила неисправную СВД в качестве штатива для капельницы и поставила катетер Олегу в вену в районе бицепса, уселась между ними, снова положив голову Олега к себе на плечо.

– Так. На чем я остановился... – Виталий посмотрел на ребят. – В общем, поступил я с грехом пополам. Учебу пропущу, скажу лишь, что был «классическим залетчиком», несколько раз висел буквально на волоске от отчисления из военки, но исключительно по причине своего поведения и... Виталий игриво пошевелил бровями, – моей необузданной любви к девушкам. Влюблялся чуть ли не раз в месяц, совершенно теряя голову от этого, за что и огребал по полной от офицеров-наставников. Пару раз выходил «шатлом на орбиту» в наряды по кухне.

Шатл – это сами знаете – космический корабль многоцелевого использования, ну а в нашей курсантской среде это была длинная серия нарядов вне очереди – такое наказание есть, когда волей-неволей приходилось порой чуть ли не самому себя сменять в наряде, иначе, к примеру, короткий зимний двухнедельный отпуск мог просто помахать ручкой...

– В училище я близко сошелся с несколькими сокурсниками, с которым после выпуска, хотя и разлетелись по всем окраинам России, более-менее регулярно держал связь. Потом... – Виталий прищурил глаза, лицо его напряглось, желваки выступили на скулах. – одним словом все мы стали гражданскими, каждый в свое время вдоволь нахлебался развалом и бардаком, но сейчас не об этом речь.

Он осознанно умолчал о том, как молодым лейтенантом оказался в «командировке» в Анголе и, волею судьбы, или ее очередной странной причуды, стал участником легендарных событий, названных позднее «Ангольским Сталинградом».

Это была большая ангольская деревня, расположенная на юге страны и которую кто-то видимо обладающий невероятным чувством юмора или галактического уровня сарказмом назвал городом, да еще и в придачу с причудливым местным названием Куито-Куанавале. Не надо искать смысла глубокого в этом названии – просто место слияния двух ангольских рек Куито и Куанавале.

Виталий никогда не мог забыть эти несколько месяцев жуткой осады и героической обороны кучки жалких лачуг и

полуразрушенных административных зданий, где были прижаты к месту слияния рек с полусотни советских военспецов и чуть побольше роты кубинцев. Ему до сих пор часто снятся сны, в которых он все такой же молодой, задорный и безбашенный лейтенант, суется возле одного из немногих неповрежденных минометов, которые на импровизированных носилках таскали между разрушенными домами кубинцы, а он стрелял по наступающим юаровским частям, вызывая у них неподдельное удивление и недоумение, ведь по всем их сведениям, практически вся ствольная артиллерия, танки и несколько бронемашин были сожжены и уничтожены.

Об этой истории из своей жизни Виталий просто не любил рассказывать. И вовсе не потому что ему было стыдно, вовсе не по причине какой-то моральной вины. Нет. Он был воином и этим сказано все.

Хвалиться или рассказывать о былом – удел стариков, а он еще молод.

Он снова закурил.

– У нас – выпускников военного училища есть свой сайт, там форум, где мы периодически общались и, когда наступала та или иная круглая дата нашего выпуска, договаривались о дате и месте встречи. И вот однажды, – он сделал большую затяжку и практически сжег сигарету до фильтра, – мне на телефон позвонил Игорь. Этой мой одноклассник, Игорь Шевченко, был он родом с Донбасса, поступил в училище

также как и все после окончания школы и после увольнения вернулся домой, где после долгих мытарств и приключений создал небольшой транспортный бизнес – на фурах гонял туда-сюда и по России, и по Европам.

В это время снова раздалось несколько мощных взрывов. Когда обстрел затих, он продолжил:

– Когда начался февраль четырнадцатого и начался дикий беспредел, не поддержал Игорь новую власть, ну что-то там ему... короче, попросил он всех, кто может, приехать к нему в Волноваху и вывезти семью куда-нибудь на время. Отозвались двое, а Гера-калмык, да, прекрасной души человек, мы учились в одной группе, предложил свой огромный дом в деревне, прямо так сказать на берегу поймы Волги, возле рыбы и умиротворения.

Прекраснейшее решение, чтобы его семья могла переждать, как нам всем тогда казалось, временное массовое помутнение рассудка, охватившее ни с того ни с сего Украину.

Рация снова включилась, Виталий ответил короткими фразами самым простейшим кодом, означавшим, что у них более-менее все под контролем, БК и медицина трофейная в избытке, но желательная эвакуация тяжелого трехсотого.

Олег повернул к нему голову и, попытавшись улыбнуться в надежде придать своему бледному с огромными темными кругами вокруг глаз хотя бы какую-то бодрость, прошептал:

– Я в норме. Не надо паники.

Виталий кивнул головой, понимая, насколько тяжело сей-

час парню и что его слова были адресованы скорее Злате, а не ему, ведь девушка тоже волновалась.

Сложно гражданскому, да сложно любому человеку вдруг оказаться посреди мешанины тел, среди крови, боли и грязи, сложно сразу так переключить свое сознание и восприятие мира с одной, привычной доселе жизни на новую, жуткую, жестокую, кровавую и такую непонятную с обычной точки зрения.

Снова несколько раз обстреляли из минометов, на этот раз как-то дежурно и словно нехотя.

Когда пыль осела, Олег продолжил свой рассказ:

– Я приехал как метеор, лишь наш нижегородский однокашник чуть задержался, да и то, не по своей вине, а по банальнейшей причине жадности местных гаишников, замордовавших его на каком-то диком посту, вытягивая из него деньги.

Семья Игоря была в сборе почти вся. Не было лишь сына, уехавшего на фуре с грузом в Европу.

Игорь сильно растолстел, но был вовсе не жирным увальнем, а скорее стал похожим на большого медведя.

– Привет, брат, – Олег обнял друга, – тебя легче перепрыгнуть, чем обойти. – Пошутил он.

– Да и ты, смотрю, тоже не замариновался, друже.

Сборы проходили в дикой спешке и суете, которую создавали женщины его семьи. Игорю несколько раз приходилось даже ругаться, и их громкие дискуссии были слышны на рас-

стоянии нескольких домов, так что почти вся улица уже была в курсе событий.

Упиралась лишь сноха, она жутко не хотела уезжать, не понимаю всю грядущую опасность и лишь пыталась как-то найти себе повод остаться.

– Папа, – Оксана присела рядом с Игорем, – Я все понимаю, я тоже волнуюсь, но и ты пойми, мне надо написать заявление на отпуск, оформить кучу глупых и ненужных бумажек, – она придумывала на ходу, пытаясь найти повод, чтобы не уезжать и остаться дома. – Надо еще оформить бумаги в детском садике на Марийку, – сноха нарочито старалась называть свою дочь и внучку Игоря украинским манером, и, хотя деду было все равно, он просто любил до беспамятства свою единственную внучку, ведь других детей его сын и Оксана почему-то больше не заводили.

Оксана продолжала гнуть свою линию, выдумывая отговорки на ходу:

– Ну а если в садике вдруг заупрямятся, я сбегаю до врача и просто куплю типа больничного. Ну не хочу я все так бросать все, ведь тут у нас и добро, и хозяйство, и скотинка какая-никакая расплодилась. А если оставим, так соседи в миг растащат, разворую или, прости господи, просто спялят все.

– Хорошо. – Ответил ей Игорь и в этот момент какая-то невидимая грусть на мгновение затенила его разум, словно в солнечный день внезапно появившаяся неизвестно откуда тучка, заслонившая свет. – Мы быстро, маму отвезем с ос-

новными вещами и за тобой. Ты уложишься за два-три дня, надеюсь?

– Конечно, папа. – Соврала ему Оксана, которая вовсе не горела желанием уезжать. Она вообще была, если можно так сказать, олицетворением «новой Украины», воспитанная в пространстве недоверия к России, недоверии ко всему прошлому и с привитым чувством обиды на «москалей», от которых, почему-то, именно и шли все беды.

Группа из трех машин с прицепами вечером того же дня уехала из Волновахи..

– Не удивительно, – произнесла Злата.

– Вот именно, – согласился Олег.

Виталий снова закурил. Он ведь не курил уже более десяти лет, а вот снова не справился с этой слабостью и, оказавшись на передовой, снова потянулся за сигаретой, предложенной, он уже и не помнил лица того воина, сигаретой. Он прекрасно понимал, что курение не избавит его от проблем, что этот дым не унесет с собой беды, не вылечит раненого, который своими потрескавшимися от запекшейся крови губами пытался сделать свою, возможно, последнюю затяжку в жизни.

Но он закурил. Просто чтобы была у него возможность отвлекаться от жестокости, окружавшей его.

– Когда мы вернулись, – голос Виталия изменился, в нем прибавились нотки злости, выдаваемой хрипотцой, которую легко можно было спутать с последствием простуды или

бронхитом курильщика, но это была именно злость. – Так вот. Когда мы вернулись...

Он резко отшвырнул ставшую в этот миг ненавистной ему сигарету.

– Не было уже ничего и...никого. Дом-то стоял, даже ворота и калитка были закрыты. Но какая-то странная до жути тишина висела над ним. Мертвая тишина. Ничего. Тишина. Даже птицы, вроде бы, не чирикали.

Игорь вошел первым, открыв калитку ключом. Он просто решил, что сноха еще на работе и вернется вечером, а внушка в садике.

Но, открыв калитку, он резко отшатнулся, словно пропустив мощнейший удар профессионального боксера. Его колени согнулись, он упал и, закрыв лицо руками, как-то глухо и жутко.. завыл.

Весна – прекрасная пора года, когда вся природа, просыпаясь, радуется и старается переносить свое прекрасное настроение везде и всюду, словно делясь им в избытке от щедрот своих.

Двор и веранда был завалены опадающими лепестками цветов вишни и черешни, которые росли вдоль забора, наполняя улицу и все вокруг изумительным запахом и ароматами.

Но сейчас эти ароматы перемешались с запахами смерти...

На крыльце его родового гнезда, на этой огромном крыль-

це-веранде, в его доме, который он построил своими руками и который мечтал оставить своим детям и внукам, строя планы о светлом и прекрасном будущем, лежали его сноха и...внучка Мария.

Виталий сделал паузу в рассказе. Было просто невообразимо тяжело рассказать словами всю глубину ужаса и тяжесть необъяснимого зверского животного убийства, совершенного над молодой женщиной и маленькой девочкой лет шести всего от роду.

Женщина закрывала своим телом маленькую девочку, которая, свернувшись калачиком, пыталась спрятаться за ней от всего ужаса бессмысленности, внезапно нагрянувшей к ним и заставшей врасплох.

Большая уже почерневшая лужа запекшейся крови, посреди которой навеки замерли две жизни, по чьей-то злой прихоти вдруг лишённые будущего, лишённые мечтаний, радостей, да хотя бы горестей, но живых.

Мы кинулись к Игорю, пытаюсь увести его подальше от дома, хотя бы попытаться усадить в машину. Но он нас отшвырнул от себя, резко и сильно, словно мы были пушинки, а не взрослыми здоровыми сорокалетними мужиками.

Он кинулся к внучке, схватил ее в охапку, как дикий зверь хватает своего детеныша и, на коленях, не вставая, пронес в дом через распахнутую настежь дверь. Ребята не мешали ему и лишь помогли занести тело Оксаны.

Дом и все хозяйство была разграблено, мебель зачем-то

вспорота и испорчена вандалами, а под ногами неприятно хрустели осколки посуды..

Вынесли все, абсолютно все, а что не смогли – просто изуродовали..

Вечером того же дня, перепуганный насмерть местный батюшка, отпел убиенных и мы похоронили их на местном кладбище, в семейную могилу, где уже покоили родители Игоря.

– Ну а кто? – Не выдержала Злата. – Кто??

– Молодые какие-то шпанята из какой-то киевской полу-банды «свидетелей бандеры», – зло ответил ей Виталий. И, предвосхищая ее следующий вопрос, добавил: – Классика жанра. Какая-то «сердобольная» соседка не удержала кое-где воду и...выдала приехавшим «прививателям любви к батькившине», что, так мол и так, уехали тут некоторые прихвостни кацапские. И, проводила их, значит, прямо по адресу.

– Не может быть.. – Злата от ужаса представила эту картину и прикрыла рот рукой. – Как на такое могли решиться люди? Они же жили соседями..

– Очень просто, очень даже просто, – грустно вздохнул Виталий и продолжил рассказ:

– Они приехали на двух внедорожниках, размалеванных тризубами в сопровождении какого-то из мелких местных чинуш, игравшего скорее роль мелкой шавки, а не представителя власти Украины, и стали собирать всех местных, кто

жил на этой улице, на якобы митинг и агитацию.

Ну, как всегда, улицу заполонили местные алкаши, тунецы, а также шустрые такие бабульки. Они есть везде и всюду, без них никуда. Да и сами вы, скорее всего, могли сталкиваться с такими – вечно ворчащими, шикающими и недовольными вся и всеми. Ну, так вот. – Он снова выдержал паузу. – И тут нашлись такие, вернее, одна. Соседка, жила через несколько домов дальше по улице, вечно считающая всех виновными в неудачах и невезении своей семьи, в которой муж больше трети жизни провел по тюрьмам, а сын не просыхал, находясь в постоянном запое, который, правда иногда он и пытался прерывать. В общем, Игорь взял его на работу экспедитором и тот, перетерпев один рейс, на следующем героически напился и.. в общем, была дикая недостача и убытки. Игорь махнул рукой и просто уволил того, за что, видимо, и получил свою долю проклятий от этой женщины.

Она рассказала приехавшим молодчикам, что, так, мол, и так, живут тут такие. Сами уехали, но скоро должны вернуться за добром остальным.

Я вот до сих пор не уразумею. Она специально смолчала про сноху и внучку, или просто в суматохе, и нахлынувшей на нее злости и надежды мщения семье соседской по только одной понятной ей причине не сказала?

Они вошли в дом и..

Никто, как я понял, не ожидал, но факт остается фактом – они убили Оксану и маленькую Машеньку. Убили..

– А он ее убил? – Тихо спросил Олег.

– Кого? – Не понял вопроса Виталий.

– Ну, эту, добрую самаритянку?

– А.. эту, – Виталий снова приподнялся и осторожно выглянул из окопа, осматривая местность, – Хотел. Но, как подошел к ней, посмотрел молча, сорвал крестик у нее с груди, развернулся и, плюнув себе под ноги, оставил ее стоять посреди улицы в растерянности, испуге и молчании. Потом, правда, вернулся к ней. Та стояла и тряслась своими телесами как осиновый лист. –Зачем? Зачем ты это сделала, Галя? Кажется, ее так звали, – сказал он.

– И что она ответила ему? – практически одновременно спросили Злата и Олег.

– Мы не слышали, но, ответ был, видимо и, судя по вытянувшемуся лицу Игоря, настолько ошеломляюще идиотский, что тот лишь еще раз плюнул ей под ноги, резко повернулся, пыль поднялась из-под его ног. Он пошел по направлению к нам и, с каждым шагом, приближаясь, мы видели, как его лицо, живое такое лицо, стало превращаться в страшную маску мстителя. Глаза сверкали стальными искрами, обескровленные щеки и побелевшие губы просто ужаснули нас.

К исходу следующего дня, можно сказать, практически сразу после спешных похорон, мы уже знали, кто совершил это жуткое убийство, как их звали и где они сейчас могут находиться. Они, судя по всему, тоже узнали о нашем приезде,

но, упиваясь собственной безнаказанностью и вседозволенностью, тупо жили на расслабоне.

Тем не менее, мы понимали, что местная власть все равно станет нас искать, а лишние вопросы, да и потеря времени и, возможно, даже свободы, в наши планы теперь не входили.

В итоге, Игорь привел нас в одну полуразвалившуюся котельную, где кочегарил его бывший одноклассник – тихий алкаш, убивший много лет назад в приступе белой горячки жену и тещу, ну а после отсидки отмеренного ему от звонка до звонка, вел тихую и неприметную жизнь тени человека на Земле. Игорь столкнулся с ним как-то возле церкви, где последний пытался выпрашивать милостыню, узнал своего приятеля по детским играм и, помог тому обрести работу и хотя бы какой-то кров в виде этой кочегарки. Там мы и сделали свой лагерь.

– Ребята, не могу и не имею права просить вас о еще одной помощи. – Игорь обратился к нам, – Одному мне будет чуть сложнее, да и... – он замялся, есть такое понятие, как ибучий случай, в простонародье называемый невезуха или случайность. Не поможете мне?..

Мы поняли, о чем конкретно он нас просил. Я решил остаться, ну а другой наш товарищ не смог. Он не испугался, нет, просто он кинулся на помощь в дикой авральской спешке, и сейчас жизнь требовала его домой.

Снова наступила небольшая пауза, которая, на удивление трех наших героев, вдруг позволила им услышать... жужжа-

ние пчелы, перелетавшей неподалеку от них с цветка на цветок и показывающей им простоту и бесконечность жизни.

– В общем, мы знали, где они, кто они, сколько и чем вооружены. – Виталий ухмыльнулся, – тогда еще многие из них, настрелявшись в разных электронных бродилках-долбилках, не понимали истинную ценность жизни, пытаясь воспринимать мир и тогдашнюю действительность в виде продолжения нескончаемой компьютерной игры.

Игорь вынес из дома, у него, как я понимал, был небольшой схрон, видимо, девяностые и нулевые все-таки не оставили и его в стороне, один обрез и пистолет, судя по всему газовый, но уже переделанный под стрельбу боевыми патронами. Мы понимали, что если удастся хотя бы раз не самоубиться, выстрелив из него, это будет ну если не подвиг, то добровольное безумие точно.

Из принесенного оружия, лично меня куда больше порадовали два штыка от старых немецких винтовок Маузера – наследие прошлой великой войны.

Они были в нормальном состоянии и прекрасно заточены. Мне, тут можно было и не сомневаться, Игорь доверил обрез, а чудо-оружие предпочел оставить себе, не желая лишней раз подвергать меня очередной опасности, которых у нас могло быть множество.

В общем, пару дней мы провели в скрытном наблюдении за этой группой человеческой мерзости, которая, упиваясь беззащитностью людей и трусостью местных служителей за-

кона, наученных горьким опытом февральского майдана и стояния на коленях, неспешно грабила и терроризировала данный район городка.

Они облюбовали себе большой дом, брошенный кем-то видимо из числа местных чинуш, уж больно вычурными были кованые заборы и плитка, коей был уложен внутренний двор.

И вот на третий день, вернее на третью ночь, мы решили навестить их. Почему, спросите, тянули? Нет. Не тянули, просто хотели все сделать правильно и наверняка. А если хочешь что-то сделать на совесть, семь раз отмерь и лишь один раз.. – Он сделал паузу, – лишь один раз просто чиркни по горлу.

Снова раздались несколько взрывов, пулеметная очередь сухим деловитым треском раздалась где-то справа на удалении и также быстро смолкла, словно устыдившись за то, что невольно прервала рассказ Виталия.

– Тогда, Виталь, на тебе внешний круг и, если будет ходок, в общем, он тогда твой. Я войду и, если вдруг что-то пойдет не так, ты просто встреть их на выходе из дома и..

– Конечно, брат, – машинально ответил я ему и, снов поймал себя на мысли, что как-то обыденно вдруг стал обсуждать то, что еще пару дней назад мне даже в самом страшном бреду бы в голову не пришло!

Для себя же я решил, что, все-таки постараюсь никого не убивать, а лишь..

Но. Как там говорится: человек лишь предполагает...

Парень из состава этих самых националистов сидел, при-слонившись к стволу яблони, и думал, видимо, о чем-то своем. А может и просто мечтал. А может вообще ни о чем не думал Кто его знает? На нем были наушники, сквозь которые все равно была слышная какая-то громкая музыка.

Это, видимо, был у них часовой.

Игорь кивнул мне на него. Я осторожно зашел к нему со спины и... – Виталий взял в руки флягу с водой и сделал большой жадный глоток. Вода пролилась на него и струйкой исчезла за воротником бронника.

– В общем, мальчонка как раз потянулся за сигаретами, вот я его и по затылку со всей дури треснул рукоятью штыка. Что-то, как мне показалось, даже хрустнуло, парнишка даже не успел ойкнуть. Просто повалился кулем и затих. Я щелкнул пальцами, подавая сигнал Игорю о зачистке периметра.

Игорь быстро и бесшумной тенью скользнул внутрь дома, лишь входная дверь слегка скрипнула, но, лишь на доли секунды. После этого тишина.

Кровь стучала оглушительным набатом у меня в висках, адреналин, выплеснувшись в вены, наполнил меня какой-то невесомостью и напрочь притуплял чувство вины за возможную смерть этого мальчишки.

Хотя, признаться, даже если это и не он убил сноху и внучку Игоря, то все равно не остановил руку палача, решившего поглумиться над двумя беззащитными созданиями, вся вина

которых была лишь в том, что кто-то из их близких решил уехать и отсидеться в стороне, пока все не утихнет на Родине.

Через некоторое время из тихого дома, погруженного все также в безмятежную тишину ночи, вышел Игорь. Он тщательно вытирал маузеровский штык какой-то тряпкой.

– Ты как, брат? – спросил он меня, присаживаясь рядышком со мной на корточки. – Все в норме? Или может, выпить надо чего? А?

– Я в норме, – отмахнулся я от него. – Руки помнят, чему учили...

– Тогда, – Игорь натянуто улыбнулся, но улыбка была какая-то вымученная, искусственная и неуместная, ведь глаза его были просто безжизненны. – Тогда, пожалуй, нам пора.

– Да, – согласился я, – Засиделись мы, пора и честь знать...

В этот момент мальчишка, которого с по идее должен был уже давно отправить на свидание с бандерой, тихо простонал и... заплакал.

– Оценка неудовлетворительно. Цель не поражена с первого показа, – со злостью произнес Игорь и, потянувшись к раненому, чтобы добить его.

– Дяденька, не надо... – со слезами прошептал мальчишка, – дяденьки, не надо, ради бога...

– Откуда ты, горемыка, – вдруг ни с того, ни с сего, спросил его я.

– Я с Богуслава... – ответил раненый.

Меня, словно молнией поразило.

Да, забыл я вам сказать, мои хорошие, что родом я из-под Киева, жил и ходил в школу в таком маленьком и красивом городишке с не менее прекрасным именем Богуслав. Городок, где постоянно цвели сады, пели птицы и воздух был просто обескураживающее упоительным.

– Вот это я понимаю, закавыка.. – Игорь посмотрел на меня. – Этот гаденыш выходит земляком тебе, Виталя... – в его взгляде читался лишь один вопрос.

– Отдай его мне, – сказал я Игорю.

– Забирай.

Я подошел к раненому, тот беспомощно и испуганно хлопал своими пушистыми ресницами и бросал перепуганные взгляды то на меня, то на Игоря.

– Да, землячок, ну и сюжетец ты мне закрутил. Чисто как у Тарантино.

– Ну так и убивай, давай, этого «Билла» – толкнул меня в бок Игорь. – Засиделся он тут и зажился слишком долго на земле, пора и..

– Пощадите меня, дяденьки, – снова зашебетал парень, – Христом богом клянусь, я вообще ни в кого не стрельнул ни разу и никого не резал, я больше спец по кухне там или по компам...

– Ну, просто агнец. Ты глянь на него. – Прошипел Игорь со злостью – Прямо хоть прикуривай от него и его святости...

– Я, правда, мамочкой могу поклясться, что больше никогда и никого в своей жизни не стану обижать... – он молился, словно маленький ребенок.

Злата не выдержала и перебила его:

– Ну и?

– Простил его, взял с него слово, – с каким-то странным сожалением в голосе ответил ему Виталий. – Отвез паренька, в местную больничку, положил на крыльцо, позвонил в звонок и..растаял в ночи. Пока вез, узнал, что звали его Никита, да и жил он, что удивительно, буквально через пару улиц от места, где я родился, правда, ходил в другую школу. В конце нашего короткого путешествия до местной аптеки, мы уже даже обзавелись какими-то общими знакомыми. О чем я, старый дурак, со временем пожалею.

– Прощай, Никита, ты мне дал свое слово, – кивнул я ему на прощание. – Не подведи меня. Земляка своего.

– Не подведу, дядя Виталя...

И.. подвел... гаденыш. Поэтому я и здесь.

– Но это еще не все наши злоключения. Наша казнь этих нелюдей, естественно, разбередило всю их мерзкую компанию, а я, скажу вам, их там было предостаточно. Как мы позднее узнали – несколько сотен человек приехали в одну только небольшую Волноваху наводить «любовь к Родине» у местных.

Пришлось и нам, как зайцам, – Виталий подал плечами, – да, пришлось и нам прятаться, почти сутки в камышах где-

то отсиживаться. Машины мы, увы, бросили. Да и куда на них, если все искали нас..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.